

Заглавие документа: Половцев, Д.О. Вильнюс как социокультурное пространство в романе Р.Гавелиса «Вильнюсский покер» / Д.О. Половцев // Проблемы и тенденции развития социокультурного пространства России: история и современность: материалы IV международной научно-практической конференции (Брянск, 21 – 22 апреля 2017 г.) / под редакцией Т.И. Рябовой. – Брянск: БГИТУ, 2017. – С. 261–268.

Автор: Половцев, Денис Олегович

Тема: Зарубежная литература

Дата публикации: 2017

Издатель: Брянский государственный инженерно-технологический университет

Аннотация: В настоящей статье автор рассматривает городское пространство города Вильнюса как социокультурное. Особое внимание уделено образу Вильнюса. Автор статьи приходит к выводу, что Вильнюс у Р. Гавелиса представлен как приходящая в упадок столица бывшей советской республики. Автор также анализирует сложившуюся в Вильнюсе ситуацию пограничья.

ВИЛЬНЮС КАК СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО В РОМАНЕ Р. ГАВЕЛИСА «ВИЛЬНЮССКИЙ ПОКЕР»

Ричардас Гавелис (Ričardas Gavelis, 1950 – 2002) – литовский прозаик, драматург, публицист и, как отмечают авторы-составители антологии современной литовской литературы «Социальное изменение», – «легенда литовской литературы» [4, p.16]. Его первая книга – сборник рассказов под названием “The Celebration that has not Begun” («Празднование, которое не началось») – вышла в свет в 1976 г. Он является автором шести романов, трех сборников рассказов и нескольких пьес.

«Вильнюсский покер» – первый роман, переведенный на английский язык (2009 г.). Другие произведения прозаика переведены на финский, немецкий, латышский и польский языки. Р. Гавелис писал рассказы и пьесы и в 80-х гг., но в условиях небезызвестной советской цензуры он не мог даже и подумать о публикации романа. Писатель полагал, что в романе истинный художник слова не может обойти вниманием ни социальные, ни политические проблемы. Поэтому его амбициозный и многогранный роман «Вильнюсский покер» был опубликован лишь в 1989 году. Книга появилась в период национального возрождения и подъема, подверглась нападкам критиков за откровенные сексуальные сцены и эротизм, но оказалась востребованной и популярной.

Жизнь главного героя романа Витаутаса Варгалиса происходит в Вильнюсе, который, безусловно, является еще одним героем романа. Вильнюс у

Р. Гавелиса представлен в большей части как бездушная, приходящая в упадок столица бывшей советской республики: «До меня дошло, что мой город умер и больше никогда не восстанет из мертвых. Весь Вильнюс ослабел и стал приглушенным; все, что осталось от него – это кривые <...> маленькие улочки и грязные дворы с побеленными туалетными кабинками. Город ужаслся до узких, обветшалых зданий, до царства пивнушек на первых этажах» [3].

Описание города у прозаика почти всегда соответствует настроению героя. «Бесстрастная вильнюсская осень задерживается, воздух пахнет влажной пылью <...>. Никто не проезжает мимо, все забыли нас, Вильнюс покинул нас <...>. В такие вечера Вильнюс <...> произносит шепотом хриплые, загадочные слова, соблазняет и манит вас, заглатывает вас и **выплевывает** <...>. Вы видите сырые, охваченные сумерками здания Вильнюса, которые скрываются в темных углах улиц, каждое по-разному [выделено нами. – Д.П.]» [3].

Глазами Витаутаса абсолютно все в городе является сном. Вильнюс является городом-призраком, более того, он – город-галлюцинация. Герою кажется, что о городе невозможно видеть сны или представлять его себе, он сам по себе является сном или областью фантазии. Герой замечает, что среди безликих фигур, прогуливающих по улицам, добрая часть умерших жителей Вильнюса выглядит гораздо живее. Ему не ясно, что же является сном – старый Вильнюс или Вильнюс сегодняшний.

Однако все же в городе существует и нечто реальное: «Древний замок <...> неизбежно реален: одинокая башня, появляющаяся из заросших склонов холма, является фаллическим символом Вильнюса <...>. Символический фаллос Вильнюса: короткий, приземистый и бессильный. Орган псевдосил, который не смог пробудиться в течение длительного времени. Красная трехэтажная башня, фаллическое НИЧТО, которое бесстыдно показывают всем, предстает в образе бессилия Вильнюса. Великий символ кастрированного города, кастрированной Литвы, втиснутый на каждую открытку, в каждый фотоальбом, каждый туристический проспект. Извращенный, бесстыдный символ: его бессилие следовало бы скрыть, а не признавать или, по крайней мере, делать вид, что он все еще способен на вещь или две. Но город уже давно потерял все, даже свое самоуважение. Остались только ложь, абсурдность и страх [заглавные буквы автора – Д.П.]» [3].

Тем не менее, статичный, замороженный Вильнюс приглашает героя «поучаствовать в фестивале безумия», который, по Р. Гавелису, называется жизнь. Жизнь в Вильнюсе схожа с игрой в покер, в которую, как полагает бездомная, но мыслящая собака из четвертой части романа, играют «безумцы». Каждый игрок прячет свои карты, поднимает ставку в надежде обмануть других. Думается, что игроки никогда не узнают, каковы же карты друг друга. Маловероятно, что кто-то из них выиграет джек-пот. Жизнь – бесконечная игра в вильнюсский покер, «карты тасуются и раздаются смертью, строящей гримасы. Я больше не играю: я выпал из игры. Многие выпали, но Витаутас Варгалис, Левас Коварскис и Стефания Монкевич все еще сидят за столом» [3].

Как указывает автор, у человека нет выбора, он должен родиться человеком. От человека не зависит, в каком конкретном месте и в какое

конкретное время он родится. Р. Гавелис задается следующим вопросом: «Возможно, именно такой и должна быть вся жизнь человека? Без выбора, без свободы? Вам раздают те жалкие карты для игры покер, и с того момента ваша цель состоит в том, чтобы доказать всем, что ваши карты совершенно различны. Не обязательно, что они лучше. Просто, что они другие. Таковы правила игры в покер. Зачем это нужно, если смерть является единственным призом?» [3]. Более того, игроки продолжают игру «несмотря на кучу трупов, бессонные ночи, слезы, самоубийства» [3].

Как бы пессимистично ни звучал Р. Гавелис в указанной выше цитате, нельзя не отметить гуманистическое в романе, который является произведением о человеке (любой национальности и вероисповедания). Победить его невозможно: «ЧЕЛОВЕК! Невозможно победить человека. Вы можете убить его, но победить его нельзя никогда. Они забрали у меня все: жену, детей, свободу, любовь, мир, Бога, образование, солнце, воздух, надежду, мое тело; они сделали все, чтобы я больше не был самим собой, но они **не победили меня. И им это не удастся** [выделено нами. – Д.П.]! Моя душа, чье существование они отрицают, – бессмертна [заглавные буквы автора. – Д.П.]» [3]. Таков гуманистический пафос романа.

Отметим, что в романе можно почерпнуть многое об истории города и его легендах. «Духи великих литовских князей гуляют по Вильнюсу, приветствуют знакомых, пристают к девушкам и угрюмо засыпают на троллейбусных остановках. В городе – запах польских лет, запах пожаров и болезней, и в воздухе повисла, перемешавшись, вонь дешевого бензина. Здесь по ночам безутешно воет Железный Волк, призывая на помощь. Здесь вы можете неожиданно встретить мертвых, замученных когда-либо гестапо или КГБ, повторяющих снова и снова имя своего предателя, о котором никто не хочет слышать» [3].

Вильнюс – это также и город вильнюсских чудовищ, чешуйчатого дракона и василиска, убивающего своим взглядом. Литовский писатель Т. Венцлова вспоминает легенду о василиске, который обитал в подземельях бастиона и «взглядом превращал людей в камень. Некий житель Вильнюса победил его остроумным способом, который часто встречается в легендах того времени: пятась, вошел в подземелье с зеркалом на спине, и чудовище, увидев свое отражение, окаменело» [2, с. 82].

Витаутасу кажется, что с драконом можно встретиться в любую минуту. Его реальность не вызывает сомнений: он «гигантский, покрытый плесенью, с ужасными зеленоватыми глазками» [3]. Местонахождение дракона точно не известно. Возможно, он сидит под землей в Старом городе или скрывается в новом микрорайоне. Вот что об этом пишет автор: «Когда вы проснетесь и посмотрите в окно, он [дракон. – Д.П.] будет ползти в тумане, по новой трассе, распространяя запах гниения вокруг. Его непобедимость заключается в том, что он уверен в своей силе... Удовлетворенный... Это здесь, это где-то здесь. Он должен быть. Не может быть, что его нет. Но что это? Как он выглядит? Где он? Может быть, за тем углом?» [3].

Головы вильнюсского дракона многоязычны, что неудивительно, так как ранее в городе проживало множество различных народов. Например, в советское время их насчитывалось восемьдесят. Как указывает Т. Венцлова, «Народы – “это воображаемые общины” <...>. Семь национальных групп, иногда не слишком больших, но поселившихся в городе со времен средневековья, принято называть коренными» [2, с. 19]. Неудивительно, что Витаутас вспоминает польские годы Вильнюса, немецкие годы города, годы времен русского правления, однако, никак не может припомнить литовские годы Вильнюса. Герои романа существуют «в городе, превращенном в провинцию силой, в городе на границе России и Западной Европой и заряженным как одним, так и другим духом. В Вильнюсе, в самом дальнем оплоте католической церкви, городе многоголового, многоязычного дракона, угнетающего Василиска, тумана забвения» [3]. Кажется, что с Р. Гавелисом солидарен и Т. Венцлова: «Помню наглухо закрытую стену, которая отделяла СССР – его частью, увы, был мой город – от остального мира. Она щетинилась сторожевыми башенками и контрольными вышками с прожекторами; меж этими строениями простирались ряды заборов из колючей проволоки, а дальше – распаханная полоса земли, на которых должны были оставить след вторгающиеся с Запада, но прежде всего, конечно, собственные граждане, пытавшиеся покинуть родину пролетариата <...>. С юности я привык, как многие, называть свою родину “большой зоной”, скрывающей в своих глубинах множество “малых” (в них попасть никто не хотел, хотя в принципе нравы там были те же)» [2, с. 17].

Таким образом, Вильнюс – граница, где «русская экспансия и европейский дух пошли на войну друг с другом» [3]. Именно в этом городе столкнулось и перемешалось абсолютно все. Вильнюс в романе представляется гигантский «коктейлем». «Вильнюс был этнической столицей Литвы, затем он принадлежал колонизированной Литве, затем – России, потом – Польше, а теперь он принадлежит русифицированной Литве. Где еще существует столица страны, которая принадлежала то одному, то другому, то третьему; столица, которая не была частью Литвы даже тогда, когда Литва была независимой?» [3], – вопрошает автор романа. Вопрос так и остается без ответа.

Вильнюс, как известно, – это также город художников слова, например, А. Мицкевича и Ч. Милоша. Вот с каким чувством иронии писал последний о Вильнюсе: «Вильно, прекрасный и мрачный северный город. В окно видна мостовая в ухабах, лужи и кучи навоза. Дальше выщербленная стена и деревянные изгороди. В центре города собаки грызутся посреди улицы, и ни одна машина их не спугнет. Бедная столица! Не смешен ли спор из-за этих запутанных переулков еврейского гетто? Из-за развалин княжеского замка? Из-за нескольких нищих поветов, население которых растит лен на бесплодных песках и вместо махорки курит вишневые листья, а вместо спичек у них кресало?.. Восточный Страсбург, раздираемый двумя враждебными силами. Заржавленный ключ от захлопнутых дверей Восточной Европы» [цит. по: 2, с. 221]. Любопытно, что в 1978 году Т. Венцлова в письме Ч. Милошу писал о Вильнюсе следующее: «Ты говоришь, что для Тебя Вильнюс – возможность

нормальности. Для меня он никогда нормальностью не был. В детстве я очень сильно, хотя и неясно, ощущал, что мир вывихнут, опрокинут, искалечен. Позже стал думать (в сущности, думаю и сейчас), что живем мы уже после светопреставления, что, впрочем, не снимает с нас никакой ответственности. В моем Вильнюсе существовали только анклав, дающие некоторое представление о том, исчезнувшем, нормальном мире» [1].

Думается, что и для Витаутаса Варгаласа Вильнюс перестал был «нормальностью»: он «превратился в пустой, бессмысленный лабиринт, в котором вы могли блуждать до смерти, даже не понимая, что выхода нет, что это абсолютный лабиринт» [3]. В городе происходило что-то непонятное: узкие улочки превратились в коридоры, кровавые измученные фигуры сидели вдоль стен. Дух города запугивал Витаутаса. Весь Вильнюс стал «тусклым и приглушенным, все, что осталось от него – кривые, изгаженные мухами маленькие улочки и грязные дворы с побеленными туалетами. Город сжался в узкие, ветхие здания. В дворовых проходах меня встречали кривоногие собаки и грязные цыплята» [3].

Действительно, Р. Гавелис в какой-то степени натуралистичен в изображении обыденного города: «У памятника Ленину девочки с задранными юбками загорали и курили сигареты с гашишем. Толстые тетki в ужасных одеяниях убрали слегка увядшие цветы и сажали новые; площадь должна всегда быть полна свежих цветов. – “Я не буду иметь детей в этом аду”, – раздался глубокий, хриплый голос женщины» [3]. В силу этого автор не свободен и от изображения маргинальной действительности: «Я был теми утренними пьяницами, сидевшими у фонтана, ожидая одиннадцати часов (только одиннадцати!), когда откроются виноводочные отделы. То было мое красное, морщинистое лицо с мешками под глазами. Мои руки тряслись, и горло судорожно сглатывало слюну» [3]; или, например: «Полуобморочные мужики тянулись, шатаясь, вдоль стен. Крикливые тетki вешали белье на закопченные веревки. Хриплые, пьяные крики разносились между толстыми стенами, я практически нигде не слышал ни слова по-литовски. Казалось, я уже не в Литве. Мой древний, священный город наводнили и одолевали худшие из класса люмпенов» [3].

Тем не менее, автор делает вывод о том, что Вильнюс – самая интересная книга, которая существует. Жители этой «книги» «не бродят по вечерним улицам» [3], однако, Витаутас ничуть не расстраивается из-за этого, ибо пустой город особенно красив, он не испорчен телами людей. В это время суток герой чувствует все уголки и закоулки Вильнюса так же, как он чувствует свои собственные конечности.

Ночной Вильнюс дарит главному герою романа «себя всего ночного вплоть до утренней суматохи дворников. Рабочие, ремонтировавшие троллейбусные провода, стучали молотками по железным столбам и во всю мощь смеялись над пошлыми шутками. Уставшие пьяницы с трудом тянулись домой. На скамейке между кустами пара, которая не могла найти место для уединения, долгое время нарушала молчание таинственным шепотом. В конце концов, платье зашуршало, а выразительные детали ударили по ушам:

влажный, липкий звук начала акта. Барышня тихонечко застонала по-русски, молодой человек успокоил ее на литовском; раздался скрип скамейки. На другой стороне улицы остановился автомобиль, напичканный радиоантеннами. Пьяный милиционер быстро выскочил на тротуар и начал блевать в мусорный бак. Вильнюс окунул меня в свою ночную жизнь» [3].

Всю ночь герой бродил по такому городу, городу-призраку, который, как указывает Р. Гавелис, закончил высасывать последнее из души Витаутаса. Для него все вокруг казалось враждебным: изогнутые улицы, мутный воздух, даже гул молчания; молчание само по себе было враждебным. Герой опускался все глубже и глубже в недра Вильнюса, чтобы вести диалог с городом. Думается, что Р. Гавелису иногда не столько важен читатель, сколько Вильнюс: «Вильнюс посмотрел на меня. Его приземистый, бессильный фаллос смотрел на меня (смотрел, потому что мужской половой орган – это глаз, в то время как влагалище – зеркало). Душа покидает вас, когда Вильнюс смотрит таким образом. Вы можете почувствовать, что уже мертвы, если Вильнюс начнет разговаривать с вами. Я чувствовал себя крошечным, полностью крошечным и, что самое ужасное, – чудовищным карликом, лилипутом души, пряча все ужасы мира в себя» [3].

Современный литовский ученый и литературовед Н. Клишиене указывает, что творчестве Р. Гавелиса можно выделить тему «персонафицированного изображения города Вильнюса» [4, р. 16]. С этим нельзя не согласиться: «Сам Вильнюс – его серые брови угрюмо сжаты – спросил меня, за кого я его принимаю: за зверя или за космическую медузу. За окном Вильнюс был облачен в сумерки. Будучи похороненным в овраге, он, казалось, все глубже погружался туда каждую минуту» [3].

Витаутас понял, что его город умер и никогда не воскреснет из мертвых. «Мертвый город, над которым висит туман смиренного и отвратительного страха. Вильнюс, который я люблю, Вильнюс, который я и есть сам, погребен под лавой сходно Помпеи и под морем, как Атлантида» [3]. Герой романа, безусловно, испытывает тоску по ушедшему Вильнюсу: «Вильнюс оказался мертв надолго: не слышно грохота бочек, катящихся по тротуару, больше нет пестрых вывесок маленьких лавочек, как и тайного сплетения узких улочек. Ушли в прошлое литовский и еврейский кварталы, а ведь именно они были красочными городами в городе. Лицо Вильнюса ушло, все новые районы одинаковы, они – ничто: конгломераты пьяниц, очереди в магазинах и троллейбусные провода. Я смотрю с широко открытыми глазами, но я не могу больше ничего воспринимать <...>. Существует только однообразный, бесконечный сон, который я вынужден видеть не по своей воли» [3].

В этом однообразии бытия Вильнюс повторяет себя самого: одинаковые звуки и запахи, люди и животные. Для Витаутаса Варгалиса все люди казались одинаковыми. Более того, сам Вильнюс являлся городом одинаковых маленьких бетонных коробок, городом одинаковых маленьких глиняных фигур, городом одинаковых слез и одинаковой спермы. «Случись так, если какой-то великан должен был бы внезапно все полностью перемешать (все дома, людей, слезы и сперму), если он должен был бы поменять месторасположение всего и

перемешать все заново, то абсолютно ничего не изменилось бы. А самым худшим было то, что в течение длительного времени Вильнюс не был способен к изменениям» [3].

Осознав, что жизнь покинула Вильнюс, герой романа не остается к нему равнодушным. Спасти этот город уже нельзя, однако, в него нужно верить: «Даже я иногда не могу уловить, что этот лязгающий концентрационный лагерь, задыхающийся от дыма, – мой Вильнюс. То, что эти призраки, бесцельно шатающиеся, не понимая, что остатки их душ окружены колючей проволокой, – тоже жители Вильнюса. Не каждый поверит в Вильнюс. Я обязан верить в него, потому что он дал мне Лолиту» [3]. Верить в город помогает Витаутасу и сам автор: «Вы не можете избавиться от Вильнюса. В мире не существует такого другого города...» [3].

Итак, каждый герой романа «Вильнюсский покер» существует в своем собственном Вильнюсе; Вильнюс каждого представляет собой собственное, сематически значимое социокультурное пространство.

ЛИТЕРАТУРА

1. Венцлова Т. Вашингтон – это пародия на Петербург [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://culture.pl/ru/article/tomas-venclova-vashington-eto-parodiya-na-peterburg-intervyu>. – Дата доступа: 12.07.2016.
2. Венцлова Т. Вильнюс: Город в Европе / Пер. с лит. Марии Чепайтите. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2012. – 264 с.
3. Gavelis R. Vilnius Poker (Kindle Edition).
4. Social Change: Contemporary Lithuanian Literature: Anthology / introduction and selection: N. Klišienė. – Vilnius: International Cultural Programme Centre, 2012. – 155 p.